

A woman with long dark hair, seen from behind, stands on a grassy hillside. She is wearing a long, black, lace-trimmed dress with long sleeves and a large bow at the back. She holds a small, dark, rectangular object in her right hand. The background features a calm lake and some trees with autumn-colored leaves. The overall mood is serene and slightly melancholic.

Ведунья из
Берегового.

Ведунья. Начало

Ведунья из Берегового.

Ведунья. Начало

«Автор»

2026

из Берегового. В.

Ведунья. Начало / В. из Берегового. — «Автор», 2026

У каждого дара есть своя цена. Катерина знала, как пахнет сырая земля под ногами бегущей от погони ведьмы в XVI веке, и умела предсказывать будущее в стихах. Но главный её враг ждал её в настоящем. Тёмный Силуэт, преследовавший её с девяти лет и пытавшийся забрать её новорождённого сына, вернулся. Потрёпанная книга магии, некогда исчезнувшая в соляном кругу на лесной полянке, снова в её руках, принесённая свекровью среди коробок со старыми вещами. Случайность? Или идеальный капкан Силуэта? Катерине предстоит начать личную войну на территории врага, где её главным оружием станут искреннее слово и память Рода.

© из Берегового. В., 2026

© Автор, 2026

Ведунья из Берегового. Ведунья. Начало

Глава I. Земля, пахнувшая тимьяном

В станице, затерянной в самых глубинах Северного Кавказа, лето всегда наступало внезапно — шумно, с раскатистым гулом горных рек и обжигающим июльским солнцем. Для маленькой Кати это время было синонимом абсолютной, звенящей свободы.

Если бы кто-то в те годы сказал, что эта девочка станет ведающей, ему бы рассмеялись в лицо. Катя росла настоящим сорванцом. С утра до позднего вечера её звонкий смех разносился по пыльным улочкам. Она дружила исключительно с мальчишками, ни в чём им не уступая: с лёгкостью перемахивала через высокие деревянные заборы, лазила по раскидистым старым шелковицам и вечно возвращалась домой с разодранными локтями и новыми ссадинами. Катины коленки, казалось, вообще никогда не заживали, покрытые ровным слоем горного бронзового загара и зелёнки.

Мальчишки уважали её за отвагу. Она могла без страха переплыть бурный поток у каменистого берега или пойти исследовать старый заброшенный сарай на окраине. В её жилах бурлила дикая, первобытная энергия этих мест.

Но была у Кати и другая сторона — тайная, скрытая от посторонних глаз. Стоило солнцу начать клониться к закату, как буйный сорванец куда-то исчезал. Девочку, словно магнитом, тянуло к книгам и к тихому, уютному дому её бабушки.

Бабушка была в станице фигурой особенной — православной прихожанкой местной церкви, женщиной с невероятно глубокими, всё понимающими глазами. Её дом пах особенно: сухими пучками трав, подвешенными под потолком, воском и свежееиспечённым хлебом. Пока Катины друзья гоняли мяч по вечерней станице, сама Катя могла часами сидеть на деревянной скамье, затаив дыхание, и слушать бабушкины рассказы.

— Катенька, земля — она ведь живая, — тихо говорила бабушка, перебирая шершавыми пальцами сухие стебли. — Каждая травинка под твоими босыми ногами для чего-то создана. Вот это — тимьян, он силу возвращает и дурные мысли гонит. А это — душица, она для мира в душе. Но помни, внученька: трава без слова — просто сено.

Бабушка умела лечить словом-молитвой, заговаривала самые тяжёлые боли и умела разгадывать сны, в которых видела будущее. Катя смотрела на её руки и чувствовала, как внутри зарождается странное, трепетное любопытство. Перебирая старые пожелтевшие страницы книг в бабушкином шкафу, девочка ещё не знала, что её собственная Ахиллесова пята — её будущие страхи — уже зреет в темноте, а Силуэт, затаившийся в углах, внимательно наблюдает за тем, как просыпается её сила.

В один из тех солнечных, обжигающих июльских дней, когда воздух в станице казался густым и неподвижным от зноя, произошло то, что в народе называют мистикой.

Катя с мальчишками с самого утра бегала по гладким каменистым отмелям возле горной реки. Они строили запруды и со смехом обливали друг друга ледяной водой. Но в какой-то момент Катя устала от шумной компании. Ей захотелось побыть одной, побродить среди трав, о которых так увлеченно рассказывала бабушка, и, возможно, отыскать дикую мяту у воды.

Она отошла от берега чуть дальше обычного. Неподалёку, раскинув густые ветви, стоял небольшой, старый лесок. Катя знала, что местные взрослые не любят ходить туда в одиночку, но девятилетнего сорванца это никогда не пугало. Однако сегодня всё было иначе. Стоило девочке приблизиться к опушке, как внутри неё родилось странное, доселе незнакомое чувство.

Лес словно зашептал. Катя замерла, прислушиваясь. В шёпote крон ей почудилось собственное имя. Лес звал её, манил вглубь своей прохладной, пахнущей сыростью и хвоей темноты. Неведомая, непреодолимая сила потянула Катюшу вперёд, заставляя перешагнуть невидимую границу между солнечной поляной и дремучей чащей.

Она пробиралась сквозь густые, колючие ветви, наступая босыми ногами на острые, сухие осколки хвои. Катя разбивала колени на заборах и никогда не плакала, но сейчас боль от уколов даже не доходила до её сознания. Сердце колотилось где-то в горле. Вся её кожа покрылась густыми мурашками, которые волнами разлетались по рукам и ногам. Там, в самой глубине этого лесного сумрака, её кто-то ждал. Катя чувствовала этот чужой, леденящий взгляд каждым подсознательным рецептором своего существа.

Внезапно деревья расступились, и Катя вышла на небольшую, идеально круглую лесную полянку. В самом её центре находилось нечто настолько необычное, что девочка затаила дыхание. Она сделала несколько шагов ближе, чтобы разглядеть увиденное.

На серой, примятой земле был начерчен чёткий, идеально ровный круг, который кто-то обильно посыпал крупной белой солью. Внутри этого соляного кольца всё ещё едва заметно тлели древесные угли, испуская тонкую струйку сизого, горького дыма. А прямо рядом с ними лежала старая, потрёпанная книга в потемневшем кожаном переплётe. Книга словно пульсировала, излучая едва заметное, притягательное тепло.

Девочка, как под гипнозом, наклонилась, чтобы поднять этот таинственный клад. Её пальцы были в миллиметре от обложки, как вдруг тишину леса разорвал далёкий, встревоженный голос:

— Катюша! Внученька! Где ты?!

Это бабушка искала свою заплутавшую внучку. Голос родного человека подействовал на Катю как ушат ледяной воды. Она резко вздрогнула, морок мгновенно рассеялся, и девочка испуганно обернулась на крик. А когда секундой позже она снова посмотрела себе под ноги — поляна была пуста. Книги уже не было, а соляной круг словно растворился в воздухе.

Катюша в глубоком недоумении ещё раз оглядела полянку, но так ничего и не нашла. Внутри неё разлилась странная, необъяснимая пустота. Глубоко вздохнув, она побрела прочь из этого леса навстречу бабушке.

Глава II. Тень в углу и рассветное исцеление

На следующий день после исчезновения книги Катюша не находила себе места. Страх, который раньше прятался по углам, теперь заполнил весь дом. Вечером, когда зажглись первые сумерки, девочка лежала на кровати, думая о невероятном приключении. Вдруг в самом углу комнаты она увидела тёмный силуэт. Он был огромного роста в чёрном одеянии, а его лицо закрывал тёмный большой капюшон. Катя кинулась к домашнему иконостасу бабушки. Она искала защиты у самого светлого и мирного лика — Божьей Матери. Катя всматривалась в кроткие глаза на деревянной доске, губы шептали молитву, но вдруг её сердце пропустило удар.

В полумраке комнаты очертания святого лика начали искажаться. Свечной нагар словно лёг глубокими тенями, проступая жуткими, чужими чертами. Вместо милосердного взгляда на Катю смотрели бездонные, полные злобы глаза дьявола. Девочка закричала так, что прибежавшая из кухни бабушка сразу всё поняла без слов. Лицо старушки побелело.

Уже на рассвете бабушка вела Катю по росистой тропе на край станицы, к местной знахарке. Весь дом этой женщины дышал таинством: под потолком сушились пучки пахучих трав, а в углах тихо трещали восковые свечи. Целую неделю, на каждом рассвете и каждом закате, знахарка шептала над головой Кати древние заговоры, отчитывая её от тёмного духа. В самый последний день знахарка достала длинную льняную ленту. — Встань прямо, внученька, — тихо сказала она. Она измерила лентой рост Кати от макушки до пят, бережно свернула её и вместе с бабушкой они подошли к деревянному дверному косяку. Знахарка сделала глубокую засечку

в дереве и спрятала ленту внутрь косяка, запечатав её со словами: «Болезнь и страх в дерево уходят, пока дитя его не перерастёт».

Шли месяцы. Катя росла, и в один из дней её макушка оказалась выше той самой отметки на косяке. Навязчивый, липкий детский страх действительно отступил, уступив место покою. Но это была лишь затишье перед бурей. Тьма больше не пугала Катю, потому что теперь девочка начала замечать то, чего обычные люди видеть не могли. Перед ней открылись совершенно новые, неизведанные грани этого мира.

Лето закончилось, и Катя вернулась в свой родной город в Центральной России. После залитых солнцем кавказских гор серые многоэтажки и привычные школьные будни казались серыми и приземлёнными. Детский страх перед темнотой действительно исчез, но вместо него пришло нечто иное. Её жизнь разделилась на «до» и «после» тридцатидневного лунного цикла.

Каждое полнолуние, когда огромный серебряный диск зависал над крышами соседских домов, заливая её спальню холодным, призрачным светом, к Кате приходил один и тот же сон.

Окно с грохотом распахивалось, впуская в комнату ночной вихрь. Прямо из лунного сияния в пространство спальни влетали четыре ведьмы на мётлах. Они не были похожи на уродливых старух из детских сказок — в их силуэтах, развевающихся волосах и пронзительных взглядах скрывалась жуткая, древняя грация. С тихим смехом и свистом они закручивали Катюшу в свой безумный, стремительный хоровод. Земля уходила из-под ног, стены комнаты растворялись, и девочка летела вместе с ними, становясь частью этого ночного ведьминского круга. Она не знала, сколько длился этот полет — минуты или вечность. Но перед самым рассветом они так же стремительно улетали обратно в лунный свет, оставляя Катю в кровати с бешено бьющимся сердцем. Это повторялось из месяца в месяц, из года в год.

К двенадцати годам эти сны стали для Кати привычным, хоть и пугающим ритуалом. Но вскоре ночные полеты вырвались за пределы подсознания. Магия, которую ведьмы вкладывали в девочку во время своих хороводов, требовала выхода. И она нашла его в словах.

Катерина начала писать стихи. Но это не были наивные строчки, которые обычно пишут девочки в двенадцать лет. Стоило ей взять ручку, как её рука словно начинала двигаться сама, ведомая чьей-то чужой, древней волей. На бумагу ложились мрачные, удивительно точные баллады о прошлых эпохах. Катя с пугающими подробностями описывала шестнадцатый век: запах костров инквизиции, шёпот на тайных шабашах, холод каменных застенков и крики женщин, обвинённых в колдовстве.

Она никогда не учила этого на уроках истории. Она просто *знала*, как пахнет сырая земля под ногами бегущей от погони ведьмы в 1542 году, и какая ткань была на её платье. Родители радовались Катиному внезапному таланту, не подозревая, что их дочь пишет не стихи, а чьи-то настоящие, бережно сохранённые воспоминания.

Тетрадь в клетку быстро заполнялась строчками, которые Катюша едва успевала записывать. Луна за окном шла на убыль, но её отголоски продолжали звучать в ней ритмичными, звенящими рифмами. Одно из таких стихотворений, написанное глубокой ночью, стало её манифестом, мостиком в тот мир, который она так отчаянно помнила во снах:

*Мне б родиться в XVI веке,
Когда ведьму сжигали в костре!
Ведь магический дар в человеке
Ощущался тогда острей!
Сейчас всё просто, без иллюзий:
Родился, вырос, постарел...
А раньше, раньше были люди —
Огонь! Отвага! Беспредел!
У женщин дома ритуалы:*

*Есть приготовить — это дар!
Писать садились мемуары
И мужу делали отвар!
И косы распускали в бане,
Шепча на ветер о любви,
Полынь прикладывали к ране,
А магия была в крови!
И чёрный кот — помощник верный,
Садился тихо у дверей,
Он прогонял от дома скверну,
Хозяйки был своей мудрей...
Мне б родиться в XVI веке.*

Катя перечитала написанное. Сердце глухо застучало. Откуда двенадцатилетняя девочка из современной городской квартиры могла знать эту тоску по кострам, полыни и верным котам-фамильярам? Магия действительно была в крови, и она требовала выхода.

Часть III. Ведунья. Начало

Тогда, в свои двенадцать лет Катя ещё не понимала, что её тетради — это не просто сборники стихов. Это были чертежи её будущего. Каждое рифмованное слово, выведенное шариковой ручкой при свете луны, обладало скрытой, созидательной силой. Катины стихи имели пророческую жилу: она писала о вещах, которых ещё не было в её жизни, но которые неумолимо приближались с каждым годом.

Прошло немало времени. Катя выросла, оставив позади подростковые бури, но магия из её крови никуда не исчезла — она просто ждала своего часа, чтобы материализоваться.

Сначала в её жизни появился он — угольно-чёрный кот, точь-в-точь как тот, из её ранних строчек. Он сел у дверей, принес с собой ощущение дома, покоя и той самой древней мудрости. А вслед за ним реальность окончательно прогнулась под написанное когда-то пророчество.

За несколько лет до этого события Катя написала стихотворение о том, что её судьба связана с водой, и что однажды она будет жить на самом берегу реки. Тогда это казалось лишь красивым образом, тоской по кавказским бурным потокам из детства. Но судьба соткала свои нити так, что спустя годы Катя действительно сменила адрес. Её новый дом теперь стоял на переулке с говорящим, предсказанным ею названием — Береговой. Круг замкнулся: магия, которая когда-то пугала Катерину в образе тёмного силуэта, теперь вела её по жизни, обустривая её мир.

Город в Центральной России с его серыми многоэтажками и лунными хороводами ведьм держал Катю недолго. В пятнадцать лет судьба сделала крутой поворот, и она вернулась на Кавказ. Катина семья поселилась в городе, но её сердце по-прежнему принадлежало той самой горной станице. Каждые каникулы и выходные она мчалась к бабушке. Теперь Катя росла, и её отношения с этим краем изменились. Тьма больше не пугала её, ведь Катя научилась понимать светлую, живую силу природы. Бабушка брала внучку с собой в залитые солнцем кавказские луга, где воздух был густым от ароматов. Они часами собирали летние травы. Катя помнит этот запах до сих пор: пряный, согретый солнцем тимьян, медовая душица, прохладная мята и простая, чистая ромашка. Бабушка учила Катюшу, как правильно срезать стебли, как сушить их, вплетая в пучки свои добрые мысли и молитвы. Катины пальцы пахли землёй и солнцем, и в эти моменты она чувствовала, как древняя магия её Рода течёт по венам, наполняя силой и покоем. Кавказские горы словно благословили девушку и подготовили к главному шагу во взрослую жизнь. Едва Катерине исполнилось девятнадцать, она вышла замуж. Юность осталась

позади, травы были собраны и высушены, а впереди её ждали те самые бушующие страсти, переезд на Береговой переулок и пророческие стихи...

Катя видела людей насквозь — это было её благословением и её проклятием. Её дар безошибочно шептал: „Не иди туда, там опасно“. Катя всегда знала финал ещё до того, как событие обретало силу. И всё же Катя шагала туда, где её ждали бушующие страсти. Зачем? Наверное, потому что быть просто ведающей — скучно и холодно. Ей хотелось побыть живым человеком. Она совершала ошибки, заранее зная их цену, падала на самое дно и платила за каждый неверный шаг своей энергией. Катина магия питалась её же шрамами. Каждая выстраданная ошибка ложилась новым пророческим стихом в её тетрадь, а на Береговом переулке в эти ночи вода в реке казалась чёрной, как смола...

Рождение второго сына разделило жизнь Кати на до и после. Малыш появился на свет на несколько недель раньше срока, и его первые дни превратились в тихую, изматывающую битву за жизнь. Он лежал в боксе, опутанный трубками аппарата ИВЛ, а Катя могла лишь сквозь стекло умолять все высшие силы пощадить её кроху. Бушующие страсти прошлого и житейские ошибки померкли перед этим абсолютным, звенящим страхом. Магия в её крови словно замерла, не зная, как помочь. В ту ночь Катерина забылась тяжёлым, лихорадочным сном прямо на больничной койке. И перед самым рассветом — в тот самый час, когда она когда-то родилась на свет, — пространство сна сгустилось. Из ледяной темноты соткался он. Тот самый высокий силуэт в чёрном балахоне и огромном капюшоне, который пугал девятилетнюю девочку в углу детской спальни. Спустя годы он вернулся. Его очертания дышали древним холодом, а голос, раздавшийся прямо в Катиной голове, заставил содрогнуться стены больницы:— Тебе опять повезло! — прогрохотал он пугающим, торжествующим басом. — Молитвами твоих близких твой ребёнок будет жить. Но я ещё вернусь! Сущность залилась громким, оглушительным хохотом, который эхом ударил по Катиным нервам. Она резко распахнула глаза, тяжело дыша. На часах был рассвет. Сердце бешено колотилось, а в ушах всё ещё стоял этот жуткий смех. Но не успела она осознать этот кошмар, как дверь палаты тихо скрипнула. Вошла детская медсестра. На её лице, уставшем после ночной смены, была мягкая улыбка.— Катенька, не спишь? — тихо сказала она. — Хорошие новости. Твоего сына только что отключили от ИВЛ. Он дышит сам. Сейчас малыша привезут к тебе. Слёзы хлынули из Катиных карих глаз. Тьма отступила, признав поражение перед силой её Рода. Бабушкины молитвы, летевшие сквозь годы и расстояния из глубин Северного Кавказа, уберегли её сына. Тёмный силуэт ушёл ни с чем, но его последнее обещание — «Я ещё вернусь!» — осталось лежать тяжёлым камнем на ведовском сердце. Теперь Катя знала: она должна стать по-настоящему сильной. Ради своего ребёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.